

Автор: Есельсон С. (Россия)

В уже далеком 1993 в сентябре в Доме ученых в Москве недалеко от метро «Кропоткинская» проходила встреча представителей разных религиозных конфессий. Можно сказать, что встреча проходила под лозунгом кота Леопольда: «Ребята, давайте жить дружно». Я был приглашен гостем на это замечательное торжество. Вставали очередные представители, били себя в грудь и сообщали, что у всех них общее дело — мир во всем мире — и что «Богу виднее», и что их ничего не разделяет. Хороший буфет хорошо подкреплял это пиршество. И вот в тот момент, когда, казалось, что братание достигло апофеоза, на трибуну вышел ныне покойный Сергей Сергеевич Аверинцев.

Он спросил нескольких братающихся о стаже их веры, получил несколько смущенные ответы и обратился к залу примерно так: «Люди, для начала станьте теми, кем вы себя провозглашаете. Православные станьте православными, мусульмане-сунниты — мусульманами-суннитами, иудеи — иудеями, ламаисты — ламаистами, католики — католиками. А когда станете — посмотрите, какая пропасть вас разделяет. И уже тогда, если у кого-то будет решимость пролагать над пропастью мост — пожалуйста, вперед. Но только учтите, что спасибо за это никто не скажет, и стрелы будут со всех сторон. А братание недомусульман с недоправославными и недоиудеями для культуры и для духа никакой цены не имеет».

Ему аккуратно поаплодировали и постарались выступление забыть как досадное недоразумение.

Когда все закончилось и я выходил из здания, на улице уже стемнело; при выходе ко мне обратился пожилой человек: «Молодой человек, я не очень хорошо вижу; Вы меня не проведете до метро?» До метро мы шли молча, и, прощаясь, он сказал: «Постарайтесь не забыть, что сегодня происходило, особенно доклад Аверинцева». Кто это был? Кто-то из еще живых тогда наших знаменитых стариков-гуманитариев. Мне неудобно спросить его: Вы тот-то или тот-то? Во всяком случае, это лицо я видел когда-то по ТВ.

Вспомнил я эту замечательную историю в связи с той непроясненностью, которая нарастает в сегодняшних представлениях тех, кто называет свою практику экзистенциальной.

В связи с этим считаю необходимым предложить вашему вниманию следующие размышления:

1. Психология и психотерапия не имеют никакого отношения друг к другу. Психология — дисциплина, выросшая в череде других «логий» европейского естественнонаучного мышления Нового и Новейшего времени. Единственная ее практика — бихевиористская терапия. Под общим названием «психотерапия» собраны праксисы совершенно разных философских, а в некоторых случаях — религиозно-философских мировоззрений (от неокантианства и неомарксизма до неодаозизма и дзен-буддизма).

2. Успешно заниматься той или иной психотерапевтической практикой может человек, который исповедует тот философский взгляд, который порождает соответствующую практику.

Экзистенциальное консультирование и терапия — практика экзистенциальной философии.

3. Экзистенциальная философия — неклассическая философия, т.е. философия, рвущая с классической традицией.

Она появилась в Европе после I мировой войны, ставшей шоком для европейской культурной элиты, ожидавших после вала всевозможных изобретений и открытий XIX века наступления «Золотого века» человечества, а совсем не того, что все эти изобретения и открытия свалятся им на голову в виде новейших способов ведения войны и уничтожения людей, зданий, техники и посевов сельскохозяйственных культур. Сразу после окончания войны у некоторых представителей культурной элиты Европы появились подозрения, что что-то не так во всем европейском пути развития, начались размышления над этим. Экзистенциальная философия — один из наиболее радикальных результатов этих размышлений.

Нам представляются значимыми следующие направления, в которых происходит разрыв экзистенциальной философии с классикой.

□ □ □ □ **А. Отказ от S-O представлений**

Эти представления складывались в Европе в Новое время и стали основой для развития естествознания и инженерии. Происходило это в ходе тектонического сдвига, произошедшего в религиозно-философской картине мира на Западе. Сдвиг выражался в принятии точки зрения, согласно которой если человек Богоподобен, то ему, как и Богу, доступно смотреть на мир со стороны, извне.

Человек начал полагать как само собой разумеющееся то, что он может быть внешним наблюдателем по отношению к чему бы то ни было.

Все становится объектом. За химией и физикой еще остались старые названия, но далее появилось множество «логий» и «графий». В том числе и психология, претендовавшая на превращение того, что ранее называли душой, в объект.

Только за последние десятилетия на моих глазах появились две новые «логии» — конфликтология и валеология.

Возникшая при попытках изучения и описания микромира коллизия неопределенности рассматривалась и рассматривается только как досадное ограничение на пути такого же познания и описания микромира, как и любых других объектов.

Начиная с Канта, появились мыслители, убежденные в том, что наше сознание находится в плену априорных конструкций, заставляющих нас воспринимать мир именно так, а не иначе. Строились всякие предположения по поводу того, что влияет на характер этих конструкций и что с этим можно делать, но при этом не подвергалась сомнению сама возможность человека смотреть на мир со стороны, описывать его, что-то делать с ним.

Убеждение, что человек может являться субъектом, экзистенциалисты считают ошибкой такого же порядка, как и ошибка Птолемея и его последователей, полагавших, что Земля — центр мироздания.

□ □ □ □ **Б. Отказ от убеждения, что законы мироздания не□ меняются**

Это убеждение также складывалось в Европе Нового времени и было связано с появлением и широким распространением взглядов мыслителей-деистов, утверждавших, что Бог создал мир и успокоился, отошел от дел, не меняет сотворенное, а значит, то, что мы узнаем о мире сегодня, будет верно всегда, т.е. что время однородно. Более того, укоренилось представление, что эти законы одинаковы везде, т.е. что пространство однородно. Это убеждение стало одним из краеугольных камней естествознания — эксперименты в естествознании не повторяются за ненадобностью, однажды полученные результаты считаются полученными навсегда.

Честные естествоиспытатели несколько веков еще размышляли над «девиантным поведением» мироздания, над тем, что результаты их экспериментов имеют разброс, и над тем, что же это означает, но в XIX веке с появлением теории статистики сомнения были заштукатурены. Появилось объяснение — результаты экспериментов имеют разброс из-за того, что мы не можем точно воспроизвести условия экспериментов и каждое следующее испытание природы происходит в чуть-чуть других условиях. Со временем тот факт, что это не более чем успокаивающее объяснение, забылось.

В августе 1958 г. в Москве происходила X Генеральная ассамблея Международного астрономического союза (МАС). К съезду вышла в свет небольшая книга известного советского астрофизика профессора Н.А. Козырева «Причинная или несимметричная механика в линейном приближении», в которой однородность времени ставилась под сомнение. С этого времени началось накопление фактов, подтверждающих такое видение. Козырев и его последователи предполагали, что время само по себе уже является носителем энергии, что проявляется как направленность времени. Поэтому-то результаты испытаний, проводящихся, скажем в XVIII веке и в XX, будут различными.

С 60-х годов в Пущино-на-Оке, в биоцентре Академии наук, профессор Симон Шноль проделывал странную вещь — повторял свои эксперименты огромное количество раз, при этом параллельно проводил их в разных регионах планеты. И, представьте себе, привычные сгущения результатов вокруг отдельных величин, кривая разброса отклонений, известная как кривая Больцмана, исчезла, и результаты начали «плясать», сгущаясь то в одной, то в другой области величин. А, кроме того, при параллельном проведении одинаковых экспериментов в одно и то же время в разных регионах планеты, — результаты разнились. Сначала у физиков начала вырисовываться такая картина — законы в разное время суток, в разные месяцы и в разных местах земного шара выглядят по-разному. Потом возникла гипотеза о колебательном характере законов. Потом — о том, что мы накануне революции в естествознании коперниковского типа, т.е. что не только Земля не центр мироздания, но и законы природы, открываемые на Земле, имеют отношение только к текущему положению Земли во вселенной и не

более того.

В 1973 г. в Кракове на ассамблее Международного астрономического союза, посвященной 500-летию со дня рождения Коперника, молодой австралийский астрофизик Брэндон Картер выдвинул тезис о том, что если поменять величину хотя бы одной из физиче-ских констант, то в такой вселенной существование человечества было бы невозможно. Это выступление положило начало дискуссии в естествознании, которая длится по сей день и называется дискуссией об «антропном принципе» в физике. Для нас важно то, что в ходе этой дискуссии уже появилось и крепнет представление о том, что мы живем лишь в одной из возможных вселенных — той, которая по своим параметрам и соотношениям между ними соответствует возможности появления и существования людей, и все открываемые нами законы — локальны — действительны только для нее.

Линия Н. Козырева, линия С. Шноля, линия Б. Картера в современной естественнонаучной мысли пока не сомкнулись, но они развиваются в направлении все большей и большей локализации сферы действия законов природы.

Для экзистенциалиста представление о том, что существуют какие-то универсальные «законы», которые будут верны всегда и везде, представляется ошибочным.

□ □ □ □ В. Отказ от типологий

Помнится такой случай. Моя жена тяжело болела, и нам устроили встречу в медуниверситете с одним научным сотрудником, который славился как диагност. Это было то, что надо, так как диагноз был не вполне ясен. Диагност меня вначале поразил — часа три он расспрашивал жену о ее жизни и жизни ее предков со всеми возможными подробностями и в разных аспектах. Наконец выпрашивание закончилось, и я ожидал, что сейчас он скажет волшебное слово — название какой-нибудь редкостной болезни — и мы сможем приступить к лечению. Вместо этого он достал толстенную книгу и начал листать. Мы сели от него с двух сторон, заглядывая в эту книгу. Наконец он остановился, задумался, полистал страницу вперед, страницу назад и молвил название. Зрение у жены было лучше, да и мотивации, наверное, больше. Она смотрит в текст и говорит: «Смотрите, а вот здесь не совпадает. Написано «двухсторонние плевриты», а у меня односторонний». Диагност с досадой поморщился: «Ну не может же все совпадать». Жена с нарастающим увлечением обнаруживает еще одно несовпадение. Диагност закрыл книгу и сказал устало: «В диагностике всегда приходится что-то игнорировать — а как вы хотите?»

В диагностике пациента подводят под диагноз.

Имеется готовая типологическая сетка, и пациента нужно засунуть в какую-то ее ячейку. А он туда не засовывается со всеми своими неповторимостями. Тогда происходит обрезание всего лишнего, чтобы засовывался. Обычное дело. Не только в медицинской, но и в любой другой типологии происходит подведение под тип — что в биологии, что в астрологии, что в юриспруденции. В результате такое мышление закрывает само себе возможность воспринимать уникальное, неповторимое, то, что существует в одном-единственном экземпляре. К этому привыкли — а как же иначе!

Вот от этой привычки экзистенциалисты и отказываются.

□ □ □ □ Г. Отказ от причинности

Помню трепет удивления, который я переживал когда-то, встречаясь с представителями иных культур. У меня не сохранились в памяти детали диалогов с ними. Поэтому представленные ниже диалоги носят не документальный, а скорее литературный характер, но на документальной основе.

Идет 1990 год. Подарок судьбы — встреча с настоящим китайским даосом, наследовавшим традицию от учителя, нигде себя не афишировавшего, но к которому его, израненного и умирающего в эпоху китайской «культурной революции», бросила судьба в виде охраны «лагеря перевоспитания интеллигенции», который его вылечил, присмотрелся к нему и сделал своим преемником. В суждениях этого моего неожиданного знакомого начисто отсутствовали причинно-следственные цепочки. Он всматривался в происходящее и, казалось, пытался угадать, как правильно действовать. Когда он занимался гимнастикой цигун, то каждый раз комплекс исполнялся по-разному, а иногда и вовсе не исполнялся. Но когда я как-то спросил его, как он угадывает, то он очень удивился: «Никак. Я принохиваюсь, и меня притягивает. Вообще-то этому нет слов в русском языке, но примерно так». А потом я встретил где-то: «Страстного человека притягивают неприятности», — ему сказал эту фразу, он радостно закивал и добавил: «Бывает, не его притягивают, а он притягивает. Свои или неприятности для своих близких».

Однажды он познакомил меня с потомственным китайским философом. «Философ в шестнадцатом поколении», — так представил он своего друга. «Философ в шестнадцатом поколении» оказался потомственным гадателем на «Книге перемен».

Я уже слышал до того, что в «Книгу перемен» вложено нечто, подобное геному — схема тетраэдра, проекцией которого на плоскость стала знаменитая схема инь-ян. И я его об этом спросил.

Он долго смеялся: «Что, хотите будущее вычислять?»

А потом: «Смотрите, как вы здесь живете. Ведя бизнес, ищите крышу, а у зла почему-то ищите корень». Я спросил: «А Вы?» — «Иначе. Лично я предпочитаю вообще не называть вещи ни своими, ни чужими именами. В Китае принято считать, что зло любит маскироваться. Но так считают те, кто не умеет пользоваться «Книгой перемен». Если я скажу Вам, что зло маскируется, что его нрав в этом — тут же ошибусь. Для кого как, да еще каким боком». «Тогда что значит ваш значок инь-ян?» Он вытащил из портсигара с вензелем инь-ян папиросу и начал ее долго и потусторонне разминать. Потом ответил: «Намек, чтобы не залипал. Как у вас говорится, не строил себе кумиров, не был слишком убежденным, что держу истину за бороду. В Европе Гегель это хорошо выразил; у него, по-моему: «Любое дело беременно своей противоположностью». Я: «У Гегеля этого, по-моему, не было». Он: «Ну и что, а могло бы быть, это к нему подходит». Я: «Вот Вы и закон изрекли!» Он затянулся папиросой: «Намек, только намек, а не вычислительная схема и не основание для оценки».

И еще одна встреча; тибетский буддист выразался примерно так: «Для меня все мироздание — как пазл. То, что вы называете болезнью, для меня — не тот элемент, не на том месте». — «Что-то, что нарушает Ваше эстетическое чувство?» — «Можно сказать и так. Стихи, которые приходят Вам в голову, вкус во рту, погода, что за день в году, где Вы находитесь, что у Вас сегодня происходит с женой, какие известия об успехах и о неудачах и чьих. Все является красками и элементами в этой картине, ее можно еще продолжать и продолжать».

Я ему: «Это все красиво, но у вас, известно, хорошая есть тибетская народная медицина. Вы же, чтобы вылечить человека, должны, пусть в каких-то своих представлениях, но объяснить для себя, из-за чего у пациента болит, к примеру, колено. Из-за погоды, из-за расположения планет в момент его рождения или из-за того, что он регулярно ест холодец? Или из-за еще чего-то? Разве не так рассуждает ваш врач?»

А он мне: «Конечно, нет. Мы слушаем симфонию ритмов — пульсов Вашего организма. И если какой-то инструмент фальшивит, вносит диссонанс, то у нас есть текст, созданный Буддой медицины — что делать в этом случае».

Причинность — неотъемлемая конструкция современного сознания культурного человека. Человек с таким сознанием вырос. В Европе с Нового времени и до наших дней такое сознание прививается системой образования, а сейчас это делается практически во всем «цивилизованном» мире. Но! Существовало и существует множество культур, в которых люди превосходно обходятся без «причинности».

Интересно, что в современной физике уже возникла и существует «новая волна», в которой происходят осторожные попытки отказа от причинности. Началась она в 1965

году, когда ирландским профессором Джоном Стюартом Беллом было выдвинуто утверждение, что если мы считаем принципы квантовой механики работающими во вселенной, а не только в Копенгагене, где жил и творил Нильс Бор, то, в соответствии с этими принципами, между любыми двумя частицами, когда-либо входившими в контакт, остается нелокальная связь, как будто у них возникло что-то вроде общей судьбы, что-то наподобие юнгианской синхроничности. Некоторые теоретики начали размышлять о возможности существования одного и того же объекта во многих лицах, размышлять над поразительной схожестью происходящего в разных пространственно удаленных местах, схожестью, трудно объяснимой с помощью поиска причин.

Знаменитый соратник Эйнштейна американский профессор Джон Арчибальд Уиллер пошел дальше. Он писал: «Мы ошибаемся, думая, что прошлое имеет определенное существование “где-то там”». Мысль Уиллера состоит в том, что «наши эксперименты возникают вместе с соответствующим им прошлым и будущим. Прошлое не задано, не содержит в себе никаких причин, порождающих будущее, — оно создается синхронно с этим будущим, вселенная вокруг нас становится антропной — вселенной, в которой люди могут и должны существовать. Мы создаем ее для себя».

Экзистенциализм отказывается от такой классической традиции европейского ума, как поиск причин всего и вся, упования на их обнаружение.

□ □ □ □ **Д. Отказ от сущности**

Примерно за четыре столетия до Рождества Христова в Элладе жил и творил философ Платон.

Это был мыслитель оригинального жанра. Так, например, он уделил много времени и места в своем творчестве описаниям деяний своего учителя Сократа, но, описывая, позаботился о том, чтобы Сократ в его изображении был изумительно похож на него самого. Благо Сократ сам ничего не писал. И Платон прослыл порядочным человеком, прославившим своего учителя, а заодно изображение учителя, нарисованное Платоном, подчеркивало не только преемственность, но и то, какой огромный шаг сделал Платон по сравнению со своим наставником.

Шаг этот был в любопытном направлении. Платон призывал не доверять ни своим органам чувств, ни своей памяти, утверждая, что все, что мы воспринимаем, — ненастоящее, что наше восприятие схватывает иллюзию, маскировку, в лучшем случае — следы настоящего, что мы живем как бы в мире теней или отблесков настоящего. И хорошая задача для человека, да и для человечества — сорвать маску с мироздания, разоблачить его, добраться до того, другого, настоящего, неподдельного мира, тени которого мы воспринимаем. Далее Платон сообщил, что тот, настоящий, — мир идей, тени которых мы воспринимаем. И хорошо бы суметь узнать мир идей, суметь узнать их имена.

Фантазия Платона была ни хуже, ни лучше тысяч других фантазий, что овладевали и овладевают умами философов. Более того, при желании в его размышлениях можно увидеть следы размышлений других, более ранних древнегреческих мыслителей. Но! Платон сумел создать учебное заведение — Академию — которая просуществовала восемьсот (!) лет, пережила упадок Древней Греции, расцвет и упадок Рима, появление, гонения и официальное признание христианства, дожила до Византии и только в византийские времена была разогнана. Восемьсот лет выпусков! Выпускники

платоновской Академии просочились практически во все культурные элиты Европы и Ближнего Востока. Удивительным образом идеи Платона овладели умами и христианских богословов, и их гонителей.

Для европейского мыслителя стало само собой разумеющимся, что у всего чего бы то ни было имеется сущность, которая нам не видна, и что докопаться до нее — вот путь, и смысл, и назначение жизни мыслителя. На само существование привыкли смотреть как на нечто вторичное, как на проявление разнообразных сущностей. И законы, которые всегда претендуют на универсальность и типологии — это формы представления сущностей. И идея причинности живет в лоне идеи о сущностях, поиск причин — докапывание до сущностей.

Почти две с половиной тысячи лет европейцы (а теперь и не только они) изощрялись в построениях целого мира мыслительных конструкторов — идей, полагая, что они проникают в суть вещей, открывают тайны мироздания.

Экзистенциализм отказывается и от этой привычки, переданной нам из Древней Греции через Академию Платона.

□□□□ Е. Отказ от представления, что мы все живем в □ одном и том же мире

Когда-то в конце восьмидесятых мне довелось читать всякие сборники научных трудов, посвященных изучению экстрасенсорных явлений. Общий итог исследований — этих явлений нет, так как то, что исследовалось, проявляло себя статистически недостоверно. Даже Роза Кулешова, читавшая книги руками, делала это статистически недостоверно, а значит, вовсе не могла их читать. По мне, так зафиксируй хоть раз чтение книги руками — и этого достаточно, чтобы послать подальше статистику с ее достоверностью-недостоверностью. Но это — другой разговор.

А наш — вот о чем. Как-то к одному нашему английскому коллеге обратился клиент, у которого незадолго до этого в доме появился полтергейст. Полиция зафиксировала наличие феномена. О нем написали в газетах, сделали несколько передач на телевидении, взяли радиоинтервью. Появились ученые, поставили приборы. Приборы зафиксировали полное отсутствие чего бы то ни было. Ученые засели в засаде — пока они находились в доме этого человека, полтергейст никак себя не проявлял. Ученые сделали заключение, что он мошенник и все сам подстраивает; об этом написали в газетах. Как только ученые ушли, полтергейст немедленно вернулся. Человек пришел в отчаяние и обратился к психотерапевту. Психотерапевт оказался экзистенциалистом. И начали они вместе прояснять весь жизненный контекст этого человека. А контекст оказался примерно таким. Когда-то парень из маленького английского городка отправился в Лондон — «на ловлю счастья и чинов». Чему-то выучился; во время учебы познакомился с такой же «понаехавшей» девушкой; какое-то время встречались, поженились; он устроился на работу, она тоже. Потихоньку продвигался по службе, взял кредит, купил квартиру, детей сначала не хотели, потом дети почему-то не получались. У его фирмы возникли проблемы на рынке, грянули сокращения, и его сократили. Жена объявила ему, что он неудачник, и от него ушла. Попытки устроиться на работу оказывались безуспешными. Деньги потихоньку заканчивались, замаячило выселение из квартиры из-за невыплаченного кредита. Наш герой признался психотерапевту, что он ощущает себя как полное ничтожество, как никтонец и неумелец. И вот на таком фоне вдруг появляется полтергейст, и о нем начинают писать в газетах, берут интервью на радио, делают передачи на телевидении. Он становится известным человеком. Даже бывшая жена позвонила. И тут такой облом, с обвинениями в мошенничестве...

Экзистенциальный терапевт начал заниматься с ним смысловыми узлами его жизни, заниматься его мечтами, в том числе былыми, стремлениями, прояснять его предназначение и его семейную мифологию. И клиент получил вместо пособия по безработице грант на учебу, выучился на профессию, близкую к той, о которой когда-то мечтал и к которой тяготел, поступил на работу — и... полтергейст исчез.

Если для ученых-естествоиспытателей полтергейст был объективным явлением, которое можно изучать, то для экзистенциалиста явление — это явление его жизни, полтергейст в пространстве его жизни. Как у Высоцкого, «колея эта только моя, пробирайся своей колеей».

Я сознаю, что мне могут быть адресованы упреки — «отрицая типологию, Вы при этом вводите новый тип», «отрицая сущность, Вы пытаетесь выделить сущность экзистенциализма».

В экзистенциализме истина не задается, а переживается, проживается, вытекает из жизни ее изрекающего. В таком смысле эта статья важна для меня как бывшего физика, биофизика, социолога, политтехнолога, конфликтолога, чиновника, философа, — важна как след и память о значении освобождения от уз тех представлений, которые мешали мне заниматься экзистенциальной практикой. Колея эта может быть и только моя, — ищите свою.

Продолжение следует.